

глобальний суїцидальний ризик. Це глибоке розуміння почуття відповідальності за близьких, почуття обов'язку. Це уявлення про гріховність самогубства, антиестетичності його, боязнь болю і фізичних страждань. У певному сенсі це показник здорового психологічного клімату в студентському середовищі [5].

Відносно високим був відсоток студентів, яким притаманні риси максималізму. Психологи характеризують це явище гостротою сприйняття, категоричністю тверджень. Гарноце чи погано? Позитивним можна вважати той факт, що максималізм допомагає приймати сміливі рішення, шукати альтернативні шляхи розв'язання завдань. Він додає впевненості та наполегливості, що є надзвичайно важливими рисами медика. Сама здатність бачити крайнощі – не проблема, але психологічні труднощі починаються там, де ситуація зовсім не потребує принципості і прямоти. Але є й інший бік проблеми, коли юнацький максималізм переростає в дорослий і категоричність і безапеляційність перешкоджає стосункам, та й ефективному розвитку особистості [6].

Таким чином, результати нашого дослідження показали що студенти мають достатню психологічну зрілість, мають досить гнучке мислення, а значить можуть оцінювати критичні ситуації з різних боків та на основі цього аналізу визначати свою реакцію зважено. Підсумовуючи, зазначимо, що на нашу думку завданням виховної роботи у закладах вищої освіти є сприяння гармонійному розвитку особистості, психологічної зрілості, а максималізм можна розглядати як етап формування особистості. Успішному вирішенню завдань підготовки фахівця в закладах вищої освіти, як гармонійно розвиненої особистості, сприятиме науково обґрунтована система виховання толерантності студентської молоді.

ЛІТЕРАТУРА

1. Бачериков А. М., Матузок Е. Г., Лакинський Р. В., Ткаченко Т. В. Суїцидальна поведінка та її профілактика (Огляд літератури) // Український журнал психоневрології том 20 випуск 2(71) 2021. – С. 53-56.
2. Гелда А.П. и Нестерович А.Н. Диагностические шкалы в оценке риска суицида / А.П. Гелда, А.Н. Нестерович // Военная медицина. – 2014. – №3. -С.101-107.
3. Кокун О.М., Агаєв Н.А., Пішко І.О., Лозінська Н.С., Корня Л.В. Психологічна оцінка суїцидального ризику у військовослужбовців. Методичний посібник. — К.: НДЦ ГП ЗСУ, 2019. — 206 с.
4. Предупреждение самоубийств. Глобальный императив https://www.who.int/mental_health/suicide-prevention/world_report_2014/ru/
5. Сергєєнкова О.П. Вікова психологія к.: Центр учбової літератури, 2012. – 376 С.
6. Старшенбаум А. Суицидология и кризисная психотерапия М. - 2005. – 376 С

УДК 811.124:61:57

Цисык А. З.

**Учреждение образования «Белорусский государственный
медицинский университет», г. Минск**

МЕДИЦИНСКАЯ И БИОЛОГИЧЕСКАЯ ЛАТЫНЬ В НАШИ ДНИ: ТРАДИЦИОННЫЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-НАУЧНЫЙ СТАТУС И СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ

У статті обговорюється виклики, які в наші дні повстають перед викладанням та застосуванням латинської медично-біологічної та клінічної термінології у зв'язку з недооцінкою латини та конкуренцією англійської мови в

інформаційному та освітньому просторі.

Ключові слова: латинська мова, англійська мова, латинська медично-біологічна та клінічна термінологія, професійно-науковий статус, міжмовна інтерференція, термінологічна грамотність, виклики латинській мові в царині термінології.

The article discusses the challenges that nowadays arise before the teaching and use of Latin biomedical and clinical terminology in connection with both the underestimation of the Latin and competition of the English language in the information and educational space.

Key words: Latin language, English language, Latin biomedical and clinical terminology, professional and scientific status, interlanguage interference, terminological literacy, challenges to the Latin language in the field of terminology.

В статті обсягаються виклики, котрі в наші дні виникають перед преподаванієм и употребленієм латинської медико-біологічної и клінічної термінології в зв'язі з недооцінкою латини и конкуренцією англійського язика в інформаційному и освітньому просторі.

Ключевые слова: латинский язык, английский язык, латинская медико-биологическая и клиническая терминология, профессиональный и научный статус, межъязыковая интерференция, терминологическая грамотность, вызовы латинскому языку в области терминологии

Еще несколько десятков лет назад казалось, что знаменитый постулат «Non est via in medicina sine lingua Latina» не подлежит пересмотру, и латынь в функции специфического международного языка биологических наук и медицины в обозримом будущем будет сохранять свой веками наработанный авторитет и статус. Однако процессы глобализации и интеграции в сфере науки и образования объективно выдвинули на первое место в информационном и дидактико-когнитивном пространстве английский язык. Сегодня он активно вторгается в медико-биологическую и клиническую терминологию как на профессионально-научном, так и на бытовом уровне – в научных публикациях, справочной литературе, в медицинских учреждениях, аптеках, на экранах телевизоров и на страницах газет. Мы все чаще слышим вместо привычного «Витамин Ц» — «Витамин Си», вместо «инсульт» — «инсульт», вместо «трансплантат» — «трансплант» et cetera. По словам профессора МГУ им. М. В. Ломоносова, доктора биологических наук и автора учебника «Ботаническая латынь» В. П. Прохорова, студенты и специалисты все чаще произносят латинские слова в ботанических терминах по фонетическим правилам английского языка [13, с. 5].

Знак равенства между терминами на латинском и английском языках начинают ставить и преподаватели анатомии при обучении иностранных студентов на английском языке. Это особенно происходит в тех случаях, когда буквенный состав терминов в двух этих языках совпадает или почти совпадает, — сравним, например, латинский термин *frenulum veli* и его английский эквивалент *frenulum veli*, латинское название *nucleus anterior* и его английский эквивалент *anterior nucleus*. Согласно правилам Международного комитета по анатомической терминологии, национальные анатомические номенклатуры создаются только на основе международного, т. е. латиноязычного варианта этой номенклатуры [12, с. V], и таким путем, очевидно, создавалась и английская анатомическая номенклатура. Однако, на наш взгляд, английские анатомы пошли неверным

путем, в массовом порядке ассимилируя латинские термины не только лексически, но и морфологически и синтаксически, т. е. сохраняя в английских эквивалентах латинских терминов латинскую лексику в формах ее косвенных падежей. В результате такой многоплановой ассимиляции часто теряется логико-познавательная связь между лексическими единицами в латинском термине и его английском эквиваленте. Сравним, в частности, две следующие группы латинских терминов и их английских эквивалентов:

Латинский термин	Английский эквивалент	Латинский термин	Английский эквивалент
Cellulae ethmoidales	Ethmoidal cells	Cornu superius	Superior horn

В данной группе примеров морфолого-синтаксические связи внутри каждого термина на английском языке полностью соответствуют языковым стандартам, поэтому понимание и усвоение таких терминов не создает студентам особых когнитивных проблем. Однако рассмотрим вторую группу примеров.

Латинский термин	Английский эквивалент	Латинский термин	Английский эквивалент
musculi palati mollis et faucium	muscles of soft palate and faucium	Musculus extensor digiti minimi	Extensor digiti minimi

В данной группе эквивалентных терминов смысл каждого английского термина становится понятным только при точном понимании латинской грамматической формы и смысла каждого использованного в нем латинизма. Если же студенты изучают названия указанных анатомических структур только на английском языке, то эти названия будут представлять для них набор непонятных латинских слов, не укладывающихся в логически осмысленную связь. Вот почему путь обучения студентов англоязычному варианту анатомической терминологии без опоры на основы латинской лексики и грамматики, на наш взгляд, малопродуктивен. Ведь одно дело, если студенты, приступая к изучению анатомии на английском языке, уже имеют базисные знания по латинской грамматике, полученные в школах, лицеях или гимназиях, как это принято в странах Западной Европы, Канады и США, и совершенно другое, если анатомическая терминология преподается иностранным студентам, приезжающим к нам на учебу из стран так называемого «третьего мира». Однако, сравнивая последний вариант Международной анатомической номенклатуры [12] с предыдущими [5], становится очевидной тенденция к росту латинских заимствований в англоязычной версии анатомических терминов, в том числе и многословных терминов со сложной синтаксической структурой. Такая же картина наблюдается при анализе лексики в англоязычном варианте Международной гистологической терминологии [18]. При всей кажущейся выгоде такого феномена для латинского языка, его последствия для преподавания курса латыни англоязычным студентам несут в будущем целый ряд вызовов, которые для латинистов могут воплотиться в реальные потери части учебной аудитории и учебного времени.

Приведенные примеры показывают, что английский язык в медико-биологической терминологии начинает играть по существу роль «тройного коня» по отношению к латыни. Близость значительного количества заимствованных лексем к латинскому первоисточнику склоняет многих и педагогов, и ученых-теоретиков пренебрегать латынью и лексико-грамматическими законами ее функционирования в медико-биологических номенклатурах и навязывать

гибридные латино-английские лексические модели при введении новых терминов. Такое мнение подтверждает и история ставшего печально знаменитым в последнее время термина «коронавирус», составленного из двух латинских слов [4, с. 203; с. 827]. Первое слово — **corona** «венец», «корона», употреблено в названии данного вируса в связи с тем, что его внешняя оболочка с редкими шипами напоминает, как считается, корону солнца при её затмении. Вторая часть термина — существительное **virus** «яд», которое с возникновением вирусологии в конце XIX века начало употребляться в значении «вирус». В латинском словообразовании существует многовековое правило соединения двух слов в составе термина, в соответствии с которым первая часть слова (основа существительного) — присоединяется к второй части (основе второго существительного) с помощью соединительного гласного -o-, например: *fibrocartilago* «волоknистый хрящ» (лат. *fibra* «волокно» + лат. *catilago* «хрящ») в анатомической терминологии; *normocytus* «нормоцит» (лат. *norma* «норма» + новолат. *cytus* «клетка») в гистологической терминологии; *lactobacillus* «молочнокислая бактерия» (лат. *lac, lactis* молоко + лат. *bacillus* палочка) в микробиологии. Однако в термине **coronavirus** соединены два латинских существительных без соединительного гласного -o-, в результате чего в мировое информационное пространство вместо ожидаемого варианта **coronovirus** был запущен англоязычный вариант **coronavirus**. Впрочем, в микробиологических названиях нередко встречаются подобного рода терминологические ошибки, например: **Catellaspōra** [8, с. 379] вместо **Catellospōra** (лат. *catella* «цепочка» + новолат. *spora* «спора» из греч. *sporá* «посев, семя»), или **Aquaspirilla** вместо **Aqospirillum** (лат. *aqua* «вода» + новолат. *spirillum* «извивистое щупальце») [8, с. 30]. А в номенклатурных микробиологических названиях можно обнаружить и более существенные ошибки грамматического плана. Например, в популярном в Беларуси учебном пособии В. В. Лысака «Микробиология» [8, с. 419 – 426] можно встретить следующие термины, которые мы представим здесь в сравнении с их надлежащими версиями:

Латинский термин	Надлежащая версия	Латинский термин	Надлежащая версия
<i>Bacillus polymixa</i>	<i>Bacillus polymixus</i>	<i>Propionibacterium propionicus</i>	<i>Propionibacterium propionicum</i>
<i>Neissaria elongate</i>	<i>Neissaria elongata</i>	<i>Streptomýces scabies</i>	<i>Streptomýces scabiei</i>

Еще больше вопросов с точки зрения и семантики, и грамматического оформления латинских слов вызывает список микробиологических терминов в статье С. Ш. Тер-Казаряна и В. А. Романовской, посвященной русским названиям бактерий санитарно-эпидемиологического контроля [15]. Однако, судя по сборникам материалов научно-методических конференций и научных статей, латинская микробиологическая и в целом биологическая терминология за последние полвека практически выпала из поля зрения латинистов. Но даже наш небольшой экскурс в латинскую микробиологическую терминологию показывает, что здесь много дискуссионных вопросов, которые следует обсуждать и решать. Основы составления латинских биологических терминов на латинском языке, закладываются, как известно, на первом курсе на занятиях по латинскому языку. Но в пределах тридцати двух или тридцати шести часов аудиторных занятий, отводимых учебной программой на курс практических занятий по латинскому языку для будущих биологов, невозможно уделить достаточно времени

образованию всех разновидностей латинской биологической терминологии, в том числе и микробиологической. В связи с этим заметим, что до середины 90-х годов в университетах Беларуси будущим биологам курс латинского языка вообще не преподавался. Автор данной статьи принимал участие в разработке первого в Беларуси учебного пособия по биологической латыни и в его апробации на биологическом факультете Белорусского госуниверситета [16]. Но 32-36-часовой курс аудиторных занятий в университетах Беларуси, как и в университетах Украины [14], явно недостаточен, если учесть то, что специалист-ботаник должен уметь составить на латинском языке ботанический прогноз или протолог, т. е. описание нового вида растительного мира [1, с. 126]. Какими должны быть на самом деле знания ботаника в области латыни, видно из приложения № 4 «Наиболее употребительные латинские выражения и сокращения, встречающиеся в номенклатурных цитатах и протологах») в издании «Ботаническая номенклатура», занимающее тридцать (!) страниц [1, 129 – 160]. Поэтому можно только приветствовать инициативу ученых-ботаников Российской Федерации, недавно подготовивших к изданию учебник по ботанической латыни, рассчитанный на студентов старших курсов, преподавателей и специалистов, в котором представлен и достаточно основательный курс латинской грамматики, и другие необходимые учебные материалы [13]. Их усвоение позволит как студенту старших курсов, так и специалисту-ботанику самостоятельно переводить с латыни или на латынь с помощью терминологических словарей ботанические диагнозы и использовать профессиональный справочный аппарат на латыни. Хочется надеяться, что подобного плана учебники появятся и в Украине, и в Беларуси.

Традиционно не любят дружить с латинистами и отечественные фармацевты и фармакологи. Если взять настольную книгу каждого фармаколога советского времени — «Лекарственные средства» М. Д. Машковского, продолжающую выходить в России и в наше время, то в ней можно встретить немало орфографических и лексико-грамматических ошибок, повторяющихся от издания к изданию. Возьмем, для сравнения, 10-е издание 1986 года [9, т. 1. с. 12, с. 36; т. 2, с. 253], и 16-е издание 2011 года [10, с. 21, с. 357, с. 813] где увидим все те же неправильно оформленные термины:

Напечатано в обоих изданиях	Правильный вариант
Atther pro narcosi <i>stabilisatum</i>	Atther pro narcosi <i>stabilisatus</i>
Elixir <i>pectoralis</i>	Elixir <i>pectorale</i>
Laevomycetini succīnas <i>solubile</i>	Laevomycetini succīnas <i>solubilis</i>

К сожалению, подготовка к изданию первой Государственной фармакопеи Республики Беларусь на русском языке тоже обошлась без сотрудничества ее составителей с латинистами. Удивительно, но в первом томе издания в материале, посвященном лекарственным формам [2, с. 600 –656] нет даже упоминания о латинских названиях этих форм, словно эти названия уже юридически повсеместно выведены их фармацевтического обращения, что, конечно же, не соответствует действительности. В Постановлении № 66 МЗ Республики Беларусь от 09.09.2014 года записано, что в рецептах обозначения лекарственных форм и сокращений указываются на латинском, белорусском и русском языках, и в такой записи действительно имеется лазейка для игнорирования латыни. Но значит ли это, что фармацевты, фармакологи и врачи должны от нее отказаться? Вряд ли настоящие профессионалы в этих областях теоретической и практической медицины нашего времени согласятся с такой постановкой вопроса, учитывая хотя бы

интернациональную значимость рецептурных записей на латинском языке. Но очевидно, что в свете упомянутого Постановления составителям национальной фармакопеи стало легче исключить из нее все формулировки на латинском языке, ибо это позволило им скрыть пробелы в их знаниях в области профессиональной латыни. Эти пробелы, тем не менее, обнаруживаются во втором томе фармакопеи, где систематизированы названия субстанций для фармацевтического использования [3]. Здесь составители данного тома в подаче латинских названий субстанций полностью ориентируются на англоязычные названия этих субстанций и допускают многочисленные орфографические и лексико-грамматические ошибки в латинском тексте. Непродуктивной следует считать и подачу названий частей лекарственных растений на русском языке во множественном числе, а на латинском, следуя английской версии — в единственном. Это, несомненно, будет дезориентировать и студентов, и преподавателей, когда такие формы в качестве нормативных закрепятся на страницах отечественной учебной и справочной литературы. В свете сказанного рассмотрим хотя бы несколько примеров:

Страница	Текст в Фармакопее на русском, латинском и английском языках	Правильный вариант на латинском языке
714	Натрия гидрокарбонат — Natrii hydrogenocarbonas (англ. Sodium Hydrogen carbonate)	Natrii hydrocarbonas
715	Этанол безводный — Ethanolum anhydricum (англ. Ethanol anhydrous)	Aethanolum anhydricum
1187	Лимонника плоды — Schisandrae chinensis fructus (англ. Schisandra fruit)	Schizandrae chinensis fructus
1309	Сенны листья с плодами — Sennae folium cum fructus (англ. Senna leaf with pods)	Sennae folia cum fructibus

Но еще большим вызовом для статуса латыни в структуре подготовки будущих медицинских специалистов являются предложения о сокращении объема курса латинского языка в медицинских вузах, которые начинают исходить от самих преподавателей-латинистов [6]. Обосновав свои предложения фактом вхождения Беларуси в Болонское образовательное пространство (в которое, кстати, еще не вошли медицинские вузы Беларуси — А. Ц.), предлагают: 1) сократить сетку часов на данную дисциплину до одного семестра за счет значительного сокращения раздела «Фармацевтическая терминология и рецептура», учитывая то, что действующая инструкция «О порядке выписки рецепта врача» разрешает указывать обозначение лекарственных форм и рецептурные сокращения на латинском, белорусском или русском языке; 2) в рамках преподавания основ греко-латинской клинической терминологии подавать материал только в кириллическом написании; 3) в рамках преподавания основ анатомо-гистологической терминологии отказаться от заучивания словарных форм существительных и прилагательных [6, с. 368]. Удивительно, как автор этих слов, много лет преподающий латынь, может вносить такие предложения, которые фактически закрывают будущее для ее преподавания в медицинских вузах, утверждая при этом, что «изъять преподавание основ греко-латинской терминологии из учебных планов медицинских факультетов совершенно невозможно» [6, с. 366]. Да, после реализации этих предложений курс основ греко-латинской терминологии могут сохранить, но сведут его к весьма

ограниченному количеству аудиторных занятий, что в итоге сделает латынь только небольшим придатком к профильным медицинским предметам и лишит этот курс статуса самостоятельной дисциплины. Расценивая а priori изложенные выше предложения в целом как профессионально несостоятельные, выскажем по их поводу еще некоторые конкретные критические замечания.

Многолетняя практика преподавания основ латинской терминологии свидетельствует о том, что невозможно составлять многословный латинский термин без знания словарной формы составляющих его слов, которая определяет тип синтаксических связей между ними. Возьмем уже приводившийся выше термин *musculi palati mollis et faucium*. Можно ли различить форму синтаксической взаимосвязи внешне похожих (имеющих одинаковое окончание) и рядом расположенных, но совершенно различных морфологически и грамматически слов *musculi palati*, не зная исходной словарной формы каждого из этих слов, то есть, не определив их изначальный грамматический статус? Разве не требуется, например, в немецком языке, где тоже три рода у существительных и четыре падежные парадигмы, непререкаемое знание словарной формы каждого существительного? Все указывает на то, что подобного рода советы могут лишить учащегося осознанных логических основ понимания принципов соединения латинских слов в термин, лишить его той мыслительной активности при работе с латинскими терминами, которая тренирует ум и обеспечивает осознанное понимание познаваемых языковых явлений. Как говорят многие в наше время, «зачем заучивать то, что можно подсмотреть в смартфоне или компьютере?». Но именно на осознанном заучивании и личном осмыслении как базисной основе образования были построены все научные достижения как античной цивилизация, так и тех, которые приходили ей на смену до эпохи эры электронных гаджетов. Многие современные ученые-биологи считают, что в последние столетия идет достаточно быстро оглушение человека на генетическом уровне, усугубляющееся засильем гаджетов и падением активности умственной деятельности. И если можно было бы с помощью машины времени перенести маленьких детей из Древней Греции и Древнего Рима в наши дни и дать им достойное образование, то они выросли бы такими гениями, что превзошли бы всех нынешних мудрецов и наоткрывали бы такого, что нам и не снилось [6]. Поэтому не зря выдающийся современный специалист в области нейропсихологии мышления и речи, профессор Санкт-Петербургского университета Т. В. Черниговская заявляет, что она — сторонница традиционного классического образования. Ведь для перспектив умственного развития современного человека, теряющего навыки творческого мышления из-за засилья гаджетов, считает ученый, очень важно изучать древнегреческий и латынь, так как это изучение — невероятная тренировка нейронной сети мозга человека [17].

Сомнительным представляется и предложение перевести на кириллицу весь лексико-терминологический материал клинического раздела курса латинского языка. Во-первых, нельзя ставить знак равенства между преподаванием такого материала в западноевропейских университетах, которое осуществляется на базе латиницы и *ipso facto* в орфографическом плане облегчает студентам усвоение лексики. Затем, как быть с многословными латинскими терминами, являющимися основой клинических диагнозов и служащими информационной основой для врачей всего мира?

Кроме того, в преподавании клинического раздела установилась

многолетняя традиция параллельного изучения греческих корней с их латинскими эквивалентными названиями анатомо-гистологических структур и различных субстанций, что значительно расширяет общемедицинский лексикон будущих врачей. А учитывая постоянный рост международных профессиональных контактов, разве можно сегодня говорить о преподавании материала клинического раздела курса латинского языка только на русском, белорусском или украинском языке? Ведь любое упрощение и сужение кругозора будущих медицинских специалистов в той лексико-понятийной сфере, которая складывалась в европейской науке в течение столетий на основе латыни и присутствует сегодня в общеевропейском научном пространстве — это не тот путь, который способствует прогрессу любой национальной науки в условиях ее постоянных контактов с интернациональным понятийным аппаратом. Давайте все-таки не забывать того факта, что гимн объединенной Европы, в которую мы все стремимся, написан на латинском языке, давайте не пренебрегать многовековым вкладом латыни в интернациональную научную терминологию и соблюдать надлежащим образом ее употребление в закреплённых за ней образовательных и научных сферах!

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев Е. Б., Губанов И. А., Тихомиров В. И. Ботаническая номенклатура. — М. : Изд-во МГУ, 1989. — 168 с.
2. Государственная фармакопея Республики Беларусь. Т. 1. Общие методы контроля качества лекарственных средств / Центр экспертиз и испытаний в здравоохранении; под. общ. ред. Г. В. Годовальникова. — Минск : Минский государственный ПТК полиграфии, 2006. — 656 с.
3. Государственная фармакопея Республики Беларусь: (ГФ РБ II): разработана на основе Европейской Фармакопеи. В 2-х томах. Т. 2. Контроль качества субстанций для фармацевтического использования и лекарственного растительного сырья / М-во здравоохран. Респ. Беларусь, УП «Центр экспертиз и испытаний в здравоохранении»; под общ. ред. С. И. Марченко. — Молодечно: Типография «Победа», 2016. — 1368 с.
4. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь: ок. 50 000 слов. — 3-е рус. изд., испр. — М. : Рус. яз., 1986. — 840 с.
5. Дзюбенко К. А. Анатомічний українсько-латинсько-англійський словник-довідник: Посібник для викладачів та студентів вищ. і серед. навч. закладів. — К. : Довіра, 1997. — 343 с.
6. Кожемякин В. Не венец эволюции. // Аргументы и факты. — 2020. — № 38. — С. 30.
7. Кондратьев Д. К. О преподавании медицинской латыни в европейском высшем медицинском образовании // Журнал Гродненского государственного медицинского университета. — Т. 16, № 3. С. 366 – 368.
8. Лысак В. В. Микробиология: Учеб. пособие / В. В. Лысак. — Минск : БГУ, 2007. — 426 с.
9. Машковский М. Д. Лекарственные средства: В 2-х томах. Т. 1. — 10-е изд. стер. — М. : Медицина, 1986. — 624 с.
10. Машковский М. Д. Лекарственные средства: В 2-х томах. Т. 2. — 10-е изд. стер. — М. : Медицина, 1986. — 576 с.
11. Машковский М. Д. Лекарственные средства. — 16-е изд., перераб., испр. и доп. — М. : Новая волна, 2011. — 1216 с.

12. Международная анатомическая номенклатура (с официальным списком русских эквивалентов) / под ред. Д. Л. Колесникова. — М. : Медицина, 2003. — 224 с.
13. Прохоров В. П. Ботаническая латынь: учебник и практикум для академического бакалавриата / В. П. Прохоров. — 2-е изд., перераб. и дополн. — М. : Издательство «Юрайт», 2018. — 238 с.
14. Ревак Н. Латинська мова та основи біологічної термінології : підручник / Н. Ревак, В. Сулим, О. Назаренко. — Львів : ЛНУ імені Івана Франка, 2014. — 214 с.
15. Тер-Козарян С. Ш., Романовская В. А. Проект списка русских названий бактерий санитарно-эпидемиологического контроля: транслитерация родовых названий и ассимиляция двухсот двадцати пяти видовых эпитетов // Український медичний часопис. — № 3 (53) — V/VI, 2006. — С. 69 — 77.
16. Цисык А. З., Шевченко Г. И. Дверь в латинский язык и биологическую терминологию: Учеб. пособие. — Мн. : БГУ, 1999. — 115 с.
17. Планета зависит от человека [электронный ресурс]. — URL : <https://iz.ru/7005469/planeta-zavisit-ot-cheloveka>. Дата обращения: 14.10.2020.
18. Terminologia histologica. Международные термины по цитологии и гистологии человека с официальным списком русских эквивалентов / под ред. чл.-корр. РАМН В. В. Банина и проф. В. Л. Быкова. — М : ГЭОТАР-Медиа, 2009. — 272 с.

УДК 821.124(450)-22:81'42

Чернюх Н. Б.

**Львівський національний медичний університет імені Данила Галицького
ВЕРБАЛІЗАЦІЯ КОНЦЕПТУ «РАДІСТЬ» У КОМЕДІЯХ ТЕРЕНЦІЯ**

*У статті розглядаються засоби вербалізації емоційного концепту «радість» та їх місце у формуванні однойменної концептосфери у комедіях Теренція. Основним засобом вираження даного концепту є лексеми, які безпосередньо номінують його: іменники *gaudium*, *laetitia*, дієслово *gaudere*, прикметник *laetus*. що утворюють ядро концептосфери. Приядерна зона виражається лексемами *voluptas*, *hilaris* та *triumphare*. На периферії перебувають слова та словосполучення, які непрямо репрезентують концепт «радість» (вигуки, метафора), а також контекст.*

Ключові слова: латинська мова, емоційний концепт, концептосфера, радість, Теренцій, комедія, номінація.

*The article considers the means of verbalization of the emotional concept of “joy” and their place in the formation of the eponymous conceptsphere in the comedies of Terence. The main means of expression of this concept are directly nominating it tokens: nouns *gaudium*, *laetitia*, verb *gaudere*, adjective *laetus*, which form the core of the conceptsphere. The nuclear zone is expressed by the tokens *voluptas*, *hilaris* and *triumphare*. On the periphery are words and phrases that indirectly represent the concept of “joy” (exclamations, metaphors) as well as context.*

Keywords: Latin language, emotional concept, coceptosphere, joy, Terence, comedy, nominalization

В статтє рассматриваются средства вербалізації емоціонального концепта «радість» и их место в формировании однойименной концептосферы в комедіях Теренція. Основным средством выражения упомянутого концепта